Язык и текст
2026. *13*(3), 42–51.
https://doi.org/10.17759/langt.2026130304
ISSN 2312-2757 (online)

Language and Text
2026. *13*(3), 42–51.
https://doi.org/10.17759/langt.2026130304
ISSN 2312-2757 (online)

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ | GENERAL AND COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

Научная статья | Original paper

Способы выражения субъекта-подлежащего в эргативных языках (на примере рутульского языка)

С.М. Махмудова✉
Московский педагогический государственный университет, Москва, Российская Федерация
✉ rutulsveta@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Синтаксис дагестанских языков остается лакуной, не подчиняющейся канонам принятой синтаксической теории. Синтаксическая теория языков эргативной теории диктует свои законы, которые должны лечь в основу новой, коммуникативной, теории. **Цель.** Определить основания для выделения основных, главных, членов предложения, которые ни по семантике, ни по грамматическим особенностям не похожи на подлежащее и сказуемое языков номинативной типологии. **Гипотеза.** В эргативном рутульском языке нет подлежащего в принятом в синтаксисе значении, здесь роль подлежащего выполняет семантический субъект, который мы определяем по его роли в предложении как субъект-подлежащее. **Методы и материалы.** При подготовке материала был использован дескриптивный метод, типологический метод, антропоцентрический метод. **Результаты.** Результатом данного исследования является вывод о том, что при анализе такого важного составляющего синтаксиса как подлежащее следует привлечь материал не только синтаксических, но и семантических особенностей для выявления главного члена предложения эргативных языков. **Выводы.** В эргативном рутульском языке роль подлежащего выполняет субъект в нескольких падежах, в связи с чем в теорию синтаксиса эргативных языков следует ввести термин *субъект-подлежащее*.

Ключевые слова: подлежащее, субъект, теоретические основы выделения подлежащего, рутульский язык, субъект-подлежащее

Для цитирования: Махмудова, С.М. (2026). Способы выражения субъекта-подлежащего в эргативных языках (на примере рутульского языка). *Язык и текст, 13*(3), 42—51. https://doi.org/10.17759/langt.2026130304

© Махмудова С.М., 2026

CC-BY-NC

Ways of expressing the subject argument in ergative languages (based on the Rutul language)

S.M. Mahmudova✉
Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation
✉ rutulsveta@mail.ru

Abstract

Context and relevance. The syntax of Dagestani languages remains a lacuna, not conforming to the canons of the accepted syntactic theory. The syntactic theory of ergative languages dictates its own laws, which should form the basis of a new, communicative theory. **Objective.** To determine the grounds for distinguishing the main, principal parts of a sentence that, neither in terms of semantics nor in terms of grammatical features, resemble the subject and predicate in languages of the nominative typology. **Hypothesis.** In the ergative Rutul language, there is no subject in the sense commonly used in syntax; here, the role of the subject is performed by a semantic subject, which we define by its role in the sentence as the subject argument. **Methods and materials.** In preparing the material, a descriptive method, a typological method, and an anthropocentric method were used. **Results.** The result of this study is the conclusion that when analyzing such an important component of syntax as the subject, it is necessary to draw on material not only from syntactic but also from semantic features in order to identify the main constituent of the sentence in ergative languages. **Conclusions.** In the ergative Rutul language, the subject performs the role of the subject in several cases, which is why the term “subject argument” should be introduced into the theory of syntax of ergative languages.

Keywords: subject, agent, theoretical foundations of subject identification, Rutul language, subject argument

For citation: Mahmudova, S.M. (2026). Ways of expressing the subject argument in ergative languages (based on the Rutul language). *Language and Text*, *13*(3), 42—51. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/langt.2026130304

«Между языком и реальным миром стоит человек или мышление, поскольку слово отражает не сам предмет реальности, а то его видение, которое навязано носителю языка имеющимся в его сознании представлением, понятием об этом предмете. … Путь от реального мира к понятию и далее к словесному выражению различен у разных народов…», - отмечает С.Г. Тер-Минасова, замечая далее: «…язык отражает действительность не прямо, а от реального мира к мышлению и от мышления к языку» (Тер-Минасова, 2000, с. 102].

Для эргативных языков особенно важной представляется теория Л. Теньера о валентности глагола, семантические особенности которого предопределяют саму структуру предложения (Теньер, 1988). Е.В. Падучева, развивая идеи Л. Теньера, пишет, что «У каждой лексемы имеется набор семантических валентностей…» (Падучева, 2007, с. 220). Глагол в эргативных

языках четко подразделяется на лексико-семантические группы, распределенные в соответствии со своей валентностью (Махмудова, 2013, с. 6-14).

Так, лексико-семантическая **группа фактитивных (интранзитивных) глаголов**, к которым относятся все глаголы с семантикой пассивного в волевом отношении действия субъекта (пациенса) даже если это активное в физическом отношении действие (типа *йыкьас* «прийти», *хъуIгъуIс* «уйти», *сукьус* «сидеть», *лукас* «лежать, отдыхать», *йахас* «бежать» и т.д.), диктует постановку субъекта-подлежащего в абсолютивном падеже:

Хыных *йахыри* *нинды* *джыбра*
мальчик-абс.п. бежать-прош.вр. мать-притяж.ф. хвост-ин-эсс.
Мальчик побежал за матерью.

Тыла *хъибхьури* *гытирыхда*
собака-абс.п. погнаться-прош.вр. кошка-ад-эсс.
Собака погналась за кошкой.

Лексико-семантическая группа агентивных (транзитивных) глаголов диктует субъекту-агенсу форму эргативного падежа, обозначая семантику активного, волевого действия, даже если физически это пассивное действие, например:

Рыш-е-ре *тылыйаа* *къат* *сыхыIри*
девочка-эрг.п. собака-супер-эсс. камень-абс.п. бросить-прош.вр.
Девочка кинула камень в собаку.

Рыш-е-ре *гвалах* *ваъара а*
девочка-эрг.п. работа – абс.п. делать-наст.вр.
Девочка работает.

Рыш-е-ре *фикир* *ваъара а*
девочка-эрг.п. дума – абс.п. делать-наст.вр.
Девочка думает.

Лексико-семантическая группа аффективных глаголов определяет субъект (экспериенцер) в дативном падеже, передавая при этом физические ощущения, деятельность органов чувств и сознания субъекта:

Рыш-е-с *гичIре а*
девочка – дат.п. бояться-наст.вр.
Девочка боится.

Рыш-е-с *нин* *хъыргара*
девочка – дат.п. мать-абс.п. любить-наст.вр.
Девочка любит мать.

Рыш-е-с *сарха-с* *йигара* *йиши-ри*

девочка – дат.п. спать-инф. хотеть стать-наст.вр.

Девочка захотела спать.

В эргативном рутульском языке зарегистрирована объемная **группа глаголов непроизвольного, не контролируемого действия**, которая образует конструкцию, где субъект определяется в форме пост-аблативного падежа:

Рыш-е-хълаа *лал* *хъшибхьу-ри*

девочка-пост-абл. крик-абс.п. вырваться-прош.вр.

Девочка закричала, у девочки вырвался крик.

Хынхы-хълаа *гичIинире* *зур* *хъшидхьу-ри*

мальчик- пост-абл. от страха моча вырваться-прош.вр.

Мальчик от страха описался.

Случайное, непреднамеренное действие в рутульском языке передается **группой глаголов непреднамеренного действия**, требующих постановки субъекта в ад-аблативе:

Рыш-е-даа *гыр* *йахы-ри*

девочка-ад-абл. тарелка-абс.п. разбиться-прош.вр.

Девочка разбила (случайно, непреднамеренно) тарелку.

Тылы-е-даа *джуьджуьй аа гебгы-ри*

собака-ад-абл. цыпленок-абс.п. вниз остаться-прош.вр.

Собака (случайно) задавила цыпленка.

Гыт-и-р-даа *шарак хшибхьу-ри*

кошка-ад-абл. котенок-абс.п. уронить-прош.вр.

Кошка (случайно) уронила котенка.

Пост-эссивная форма субъекта передает **семантику постоянного обладания**:

Рыш-а-хда *йыхды* *китаб* *а*

девочка-пост-эсс. хороший книга-абс.п. иметься-наст.вр.

У девочки есть хорошая книга (собственная).

За-хда *шигьибыр а*

я-пост-эсс. деньги-мн.ч., абс.п. иметься- наст.вр.

У меня есть деньги (много, большие сбережения).

Ад-эссивная форма субъекта передает **семантику временного обладания**:

Рыш-е-де *йыхды* *китаб* *ха*

девочка-ад-эсс. хороший книга-абс.п. иметься-наст.вр.

У девочки есть хорошая книга (не ее, чужая, временно).

За-да *шигьи-быр ха*

я-ад-эсс. деньги-мн.ч., абс.п. иметься-наст.вр.

У меня есть деньги (немного, для насущных трат).

Субъект, поставленный глаголом в форму супер-эссива, приобретает **семантику подвергающегося чему-то роковому, неизбежному**, от него не зависящему:

ДаIгьви-е-д гедеэне ***илсан-а-ш-ыы*** *бала*

война-прит.ф. во время люди-супер-эсс. много

йыгъ-выш йидкьы-ри

день-ночь-абс.п. прийти-прош.вр.

Во время войны люди испытывали много лишений.

Рыш-аа *мыс-га завал гъа*

девочка-супер-эсс. всегда мучение-абс.п. иметься-наст.вр.

хъивилхьва-л дадал-а-д хыл-яа

нападающий-прич. петух-прит.ф. рука-ин-абл.

Девочка мучилась, боясь всегда нападающего петуха.

Таким образом, глагол в рутульском языке является главным актантом конструкции, определяющим падеж субъекта и объекта, содержащимся в глагольной валентности. Может сложиться при этом впечатление, что глагол-сказуемое является самым главным актантом синтаксической конструкции в эргативных языках, диктующим субъекту-подлежащему форму и значение. Однако исследователи кавказских языков отмечают способность субъекта-подлежащего абсолютивной конструкции определять такие свои грамматические признаки, как класс и число, в форме глагола-сказуемого. Это отмечалось уже А.А. Бокаревым еще в одном из первых работ, посвященных синтаксису аварского языка, где он пишет: Согласование сказуемого с подлежащим в классе и числе является в аварском языке, по существу, единственным способом выразить наглядным образом их связь» (Бокарев, 1949, с. 18).

Сравните в рутульском языке:

Эдеми ***й****-ахыри* «Мужчина побежал» (мужской класс)

Хьыдылды ***р****-ахыри* «Женщина побежала» (женский класс)

Си ***в****-ахыри* «Медведь побежал» (класс животных)

Илсан-ар ***д****-ахыри* «Люди побежали» (мн.ч. людей)

Мал-быр ***й****-ахыри* «Животные побежали» (мн.ч. не-людей)

В случае наличия в предложении прямого дополнения (объекта) глагол-сказуемое отражает уже его грамматические признаки класса и числа, не обращая внимания на класс и число субъекта-подлежащего:

*Эдемиере/хьыдынийе/сирире гъыIр хы-****в****-кьыри*

Мужчина/женщина/медведь схватил(а) зайца.

*Эдемиере/хьыдынийе/сирире рыш ха-****р****-кьыри*

Мужчина/женщина/медведь схватил(а) девочку.

Эдемиере/хьыдынийе/сирире гада ха-кьыри

Мужчина/женщина/медведь схватил(а) мальчика.

*Эдемиере/хьыдынийе/сирире хынимер ха-**д**-кьыри*

Мужчина/женщина/медведь схватил(а) детей.

Эдемиере/хьыдынийе/сирире йиванар ха-кьыри

Мужчина/женщина/медведь схватил(а) лошадей.

Как видим, здесь класс и число объекта отражаются в глаголе-сказуемом.

К.И. Казенин в работе «Синтаксис современного лакского языка» пишет, что при непереходных глаголах подлежащее всегда оформляется именительным падежом, а при переходных – эргативным, дативным и именительным в случае с двумя именами в именительном падеже (Казенин, 2013, с. 55-56). Следует заметить, что дативный падеж субъекта определяется аффективными глаголами (или глаголами чувствования, как обозначается данная группа в некоторых работах).

Е.В. Падучева отмечает такие свойства подлежащего, как «выражается немаркированным падежом» и «является темой предложения» (Падучева, 2007, с. 221-222). Как демонстрирует приведенный материал, данные положения создают противоречие в рутульском синтаксисе: субъект-подлежащее здесь выражается не только немаркированным падежом, но и несколькими маркированными, и все субъекты во всех приведенных падежах являются темой предложения. Тем не менее, следует отметить весьма удачное определение подлежащего, предложенное Е.В. Падучевой, - то определение подлежащего, которое предлагается в школьных учебниках – Подлежащее – это то, о чем говорится в предложении – не объясняет сути данного главного члена предложения. Например, в предложении *Израиль бомбит Иран крылатыми ракетами* мы не сможем точно указать, о чем говорится в предложении, потому что говорится и об Израиле, и об Иране, и о крылатых ракетах. Тема же данного предложения здесь – Израиль, и это и есть подлежащее.

Темой всех приведенных предложений является субъект, производящий действие, активно или пассивно, случайно или преднамеренно, непроизвольно или испытывающий его своими органами чувств.

«Человек…центральная фигура языка и как лицо говорящее и как главное действующее лицо мира, о котором он говорит», - пишет Г.А. Золотова (Золотова, 2007, с. 3).

Таким образом, субъект является для рутульского синтаксиса понятием как логическим, так и синтаксическим, - субъект является главным членом синтаксических конструкций, что, на наш взгляд, позволяет определить его как **субъект-подлежащее**.

Еще одна интересная особенность субъекта-подлежащего в рутульском языке – способность перейти из основной части предложения в состав деепричастного оборота:

Хиибхьур **гъуругъуй** хынхыдаа,
Уронить-деепр. баночка-абс.п. мальчик-ад-абл.
сикIикIийед джыбрыы сывхыIри
лиса-притяж. хвост-супер-эсс. упасть-прош.р.
Мальчик выронил баночку, и она упала на хвост лисы.

ХъаджрацIы-р **гадийе-с** рыш,

узнать-деепр. парень-дат.п. девушка-абс.п.
тиниъка йыхьы-р субкьу-ра.
подальше отойти-прош.вр. сесть-наст.вр.
Не узнав девушку, парень отошел и сел подальше.

Лешу-р **рыше-ре** джу-ды хыных,
взять-деепр. девушка-эрг.п. свой-притяж. ребенок-абс.п. паIгьчагьа-хда руръу-ра.
царь-пост-эсс идти-наст.в.
Берет девушка своего ребенка и идет к царю.

Гахъджагур **минийс** дух, едере руъура.
увидеть-отриц.-деепр. она-дат.п. сын-абс.п. болеть стать-наст.в.
Не увидев больше сына, она заболела.

Рыхьы-р **рыш,** былаха-да сарырха-ра.
Идти-деепр. девушка-абс.п. родник-ад-эсс. спать-наст.в.
Идет девушка и засыпает у родника.

Как показывают примеры, субъект-подлежащее рутульского языка может пересечь границы клауз и оказаться в составе деепричастного оборота, не замещаясь даже местоимением. Это, на наш взгляд, является дополнительным доказательством того, что субъект в эргативных языках и следует считать подлежащим, так как ни один другой член предложения не может полностью перейти в деепричастный оборот, сохраняя при этом семантику исполнителя действия, темы предложения.

Существующая синтаксическая теория оказывается недостаточной при приложении ее к эргативным дагестанским языкам, семантическим по своей сути.

А.А. Бокарев на материале аварского синтаксиса сделал вывод: «…Если в русском, например, языке именительный падеж как форма подлежащего, как правило, не может быть противопоставлен другим формам подлежащего и не может быть поэтому показателем особого типа предложений, то в аварском языке, наоборот, употребление именительного падежа в субъектном смысле само по себе является отличительным признаком типа предложений с непереходным сказуемым по сравнению с другими типами предложений, поскольку в последних **подлежащее оформляется с помощью других падежей»** (выделение наше – С.М.) (Бокарев, 1949, с. 21). Тем не менее проблема способов выражения подлежащего в эргативных языках продолжает интересовать исследователей. Так, некоторые исследователи признают в качестве подлежащего именительный, эргативный и дативный падеж (см., например, Казенин, 2013, с. 55-56), другие только именительный падеж, третьи вовсе отрицают наличие подлежащего в традиционном понимании.

«В лакском (языке – С.М.) под понятием «подлежащего» объединены члены предложения, отличающиеся друг от друга по важнейшим свойствам. Поэтому сам термин «подлежащее» в лакском носит условный характер», - пишет К.И. Казенин.

В этой связи особую актуальность для языков эргативной типологии приобретают слова Г.А. Золотовой о том, что: «Становится все более очевидным, насколько значительны перспективы поворота к семантике для синтаксиса. …Осмысление роли семантики становится для синтаксиса открытием, которое должно содействовать усовершенствованию синтаксической теории, освобождению ее от противоречий логицизма и морфологизма» (Золотова, 2007, с. 16).

Список источников / References

1. Ахманова, О.С. (2003). Современные синтаксические теории. М.
   Akhmanova, O.S. (2003). Sovremennye sintaksicheskie teorii. Moscow. (In Russ.).
2. Бокарев, А.А. (1949). Синтаксис аварского языка. М.-Л. С. 15—16.
   Bokarev, A.A. (1949). Sintaksis avarskogo yazyka. Moscow-Leningrad. pp. 15—16. (In Russ.).
3. Золотова, Г.А. (2006). О возможностях грамматической науки. Вопросы языкознания, (3).
   Zolotova, G.A. (2006). O vozmozhnostyakh grammaticheskoi nauki. Voprosy yazykoznaniya, (3). (In Russ.).
4. Золотова, Г.А. (2006, 2007). Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Комкнига.
   Zolotova, G.A. (2006, 2007). Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa. Moscow: Komkniga. (In Russ.).
5. Казенин, К.И. (2013). Синтаксис современного лакского языка. Махачкала: Алеф.
   Kazenin, K.I. (2013). Sintaksis sovremennogo lakskogo yazyka. Makhachkala: Alef. (In Russ.).
6. Кибрик, А.Е. (1999). Элементы грамматики цахурского языка в типологическом освещении. М.
   Kibrik, A.E. (1999). Elementy grammatiki tsakhurskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii. Moscow. (In Russ.).
7. Кибрик, А.Е. (2001). Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфическое в языке). М.
   Kibrik, A.E. (2001). Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznaniya (universal'noe, tipovoe i spetsificheskoe v yazyke). Moscow. (In Russ.).
8. Киселева, Е.Н. (б.г.). Подлежащее в аспекте эволюции синтаксиса.
   Kiseleva, E.N. (n.d.). Podlezhashchee v aspekte evolyutsii sintaksisa. (In Russ.).
9. Лютикова, Е.А. (1999). Без подлежащих и дополнений: рефлексивизация в багвалинском языке. В: Типология и теория языка. От описания к объяснению (с. 302—318). М.
   Lyutikova, E.A. (1999). Bez podlezhashchikh i dopolnenii: refleksivizatsiya v bagvalinskom yazyke. In: Tipologiya i teoriya yazyka. Ot opisaniya k ob"yasneniyu (pp. 302—318). Moscow. (In Russ.).

10. Махмудова, С.М. (1996). Способы выражения субъектно-объектных отношений в рутульском языке: Автореф. дис. … канд. филол. н. Махачкала.
Makhmudova, S.M. (1996). Sposoby vyrazheniya subyektno-obyektnykh otnoshenii v rutul'skom yazyke: Avtoref. dis. … kand. filol. n. Makhachkala. (In Russ.).

11. Махмудова, С.М. (2001). Морфология рутульского языка. М.
Makhmudova, S.M. (2001). Morfologiya rutul'skogo yazyka. Moscow. (In Russ.).

12. Махмудова, С.М. (2012). Закон экономии подлежащего в нарративном дискурсе. Вестник Дагестанского государственного университета, (3), 18—20.
Makhmudova, S.M. (2012). Zakon ekonomii podlezhashchego v narrativnom diskurse. Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta, (3), 18—20. (In Russ.).

13. Махмудова, С.М. (2013). Грамматика рутульского языка. Ч. 2. Махачкала.
Makhmudova, S.M. (2013). Grammatika rutul'skogo yazyka. Ch. 2. Makhachkala. (In Russ.).

14. Падучева, Е.В. (2007). О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М.: Комкнига.
Paducheva, E.V. (2007). O semantike sintaksisa. Materialy k transformatsionnoi grammatike russkogo yazyka. Moscow: Komkniga. (In Russ.).

15. Теньер, Л. (1988). Основы структурного синтаксиса. Пер. с франц. М.: Прогресс.
Tesnière, L. (1988). Fundamentals of structural syntax. Trans. from French. Moscow: Progress. (In Russ.).

16. Тестелец, Я.Г. (2001). Общий синтаксис. М.
Testelets, Ya.G. (2001). Obshchii sintaksis. Moscow. (In Russ.).

17. Толдова, С.Ю. (1999). Местоименные средства поддержания референции. В: А.Е. Кибрик (ред.), Элементы грамматики цахурского языка в типологическом освещении (с. 629—674). М.
Toldova, S.Yu. (1999). Mestoimennye sredstva podderzhaniya referentsii. In: A.E. Kibrik (ed.), Elementy grammatiki tsakhurskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii (pp. 629—674). Moscow. (In Russ.).

18. Ли, Ч., Томпсон, С. (1982). Подлежащее и топик: новая типология языков подлежащего. В: Е.Н. Саввина (пер.), Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI: Современные синтаксические теории в американской лингвистике (с. 193—235). М.: Прогресс.
Li, C., Thompson, S. (1982). Subject and topic: A new typology of subject languages. In: E.N. Savvina (trans.), Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. XI: Sovremennye sintaksicheskie teorii v amerikanskoi lingvistike (pp. 193—235). Moscow: Progress. (In Russ.).

19. Keenan, E.L. (1976). Towards a universal definition of subject. In: C.N. Li (ed.), Subject and Topic (pp. 303—333). N.Y.: Academic Press.

20. Reinhart, T., Reuland, E. (1991). Anaphors and logophors: An argument structure perspective. In: Long distance anaphora (pp. 283—321). Cambridge: Cambridge University Press.

Информация об авторе

Светлана Мусаевна Махмудова, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода и коммуникации, Институт иностранных языков, Московский педагогический государственный университет (ФГБОУ ВО МПГУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0220-6216, e-mail: rutulsveta@mail.ru

Information about the author

Svetlana M. Mahmudova, Doctor of Science (Philology), Professor, Department of Theory and Practice of Translation and Communication, Institute of Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0220-6216, e-mail: rutulsveta@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 01.08.2026
Поступила после рецензирования 28.08.2026
Принята к публикации 10.09.2026
Опубликована 30.09.2026

Received 2026.08.01
Revised 2026.08.28
Accepted 2026.09.10
Published 2026.09.30